

Любая дорога длинная или короткая – начинается с первого шага. Путь Николая Зайцева долгий, тернистый, и счастливый одновременно, начинался с мужицких бутыл. Его, молодого учителя, приехавшего в с. Бутаково в начале 60-х годов, поразило и озадачило то, что многие бутаковцы носили не довольно прочные и распространенные по всему Союзу кирзовые сапоги, а самодельные бутылы – обувь прошлых веков. А потом, обратив внимание, что в домах бутаковцев вообще много старинных вещей: прядок, полотенец, туесков, кадушечек, он скорее почувствовал, чем понял, как близки к нам ушедшие века. И что в этой близости есть таинственная и не сразу осознаваемая привлекательность.

Идея Зайцева о создании школьного музея старины упала на благодатную почву. Дети восприняли ее, как новую увлекательную игру. И через несколько дней школа была завалена топорами, отслужившими утюгами, старыми ульями, уздечками, горшками... Николай растерялся. Он не знал, что с этим «хламом», как говорили учителя-противники, и «богатством», как думал он сам, делать. О музейной технологии он, уроженец уральского села Карагайка, выпускник педучилища, понятия не имел. А слово «этнография», кажется, отродясь не слышал. Пришлось ехать в Лениногорский Краеведческий музей. В. Клинк и Ю. Хабаров, были первыми его консультантами и учителями. Зайцев оказался талантливым учеником. Все в Бутаковском школьном музее делалось по-научному. Экспонаты были систематизированы, на каждый находились все необходимые документы. Но делал это не сам учитель. В школе появились хранители музейных ценностей, научные сотрудники, экскурсоводы и даже директор музея. Им стал ученик 5- класса Саша Яковлев. Он и ныне работает заместителем директора этнографического музея.

Вскоре о школьном музее прознали журналисты, и на некоторое время Бутаково стало самым популярным селом Восточного Казахстана. Все, кто ехал в Лениногорск, считали необходимым взглянуть на Бутаковское чудо. Постоянными посетителями музея стали отдыхающие в Лениногорском доме отдыха.

Молодой учитель Н.А. Зайцев, что называется, вошел во вкус. Со своим штатом музейных «работников», он совершает экспедиции-походы в другие села, а затем поездки (на собственную зарплату) за десятки километров, для сбора экспонатов. В коллекцию школьного музея таким образом попали редчайшие иконы, старинные книги и

предметы крестьянского быта, имеющие большую научную ценность. Существенную поддержку энтузиасту-учителю, оказал доктор исторических наук, профессор Н.Алексеев. Всех ученых, исторических светил, которые приезжали в Усть-Каменогорский пединститут из Алматы, Новосибирска, Москвы, Ленинграда, он обязательно вел в Бутаковский школьный музей. Экспозиции музея его «научные сотрудники» и экскурсоводы неизменно вызывали у ученых восторг. Таким образом, сформировалось весьма необходимое положительное мнение научной общественности.

По инициативе газеты «Дружные ребята» и при поддержке ЦК ВЛКСМ Казахстана школьный музей показывал свои богатства в Алма-Ате. Это была первая подобная выставка в столице. Она вызвала интерес у учителей Алма-Аты, зависть и восхищение специалистов. Вскоре по ходатайству ЦК ВЛКСМ школьный музей получает две штатные единицы и становится филиалом Лениногорского краеведческого музея.

В Бутаковский музей меня привел тоже профессор Алексеев. К этому времени музей занимал отдельное здание и уже имел довольно солидный запасник экспонатов. Н.Зайцев очень любезно знакомил со своим богатством, давал ненавязчивые, но очень толково, пояснения. Не меньшее впечатление, чем экспонаты, произвел на меня он сам. Высок ростом. Элегантен. И при бабочке. Это в Бутаково, где половина мужиков носили стеганные черные фуфайки. Манеры подчеркнуто предупредительны. Его длинные пальцы очень умело и точно, почти по-женски, расставляли чашки с кофе. Помню, он угощал нас пирожками и печеньем, которые выпекала его мама. Как я узнал, позже, Наталья Яковлевна, человек глубоко верующий, считала, что такое самоотверженное поглощение ее сына созданием музея старины предначертано Богом и всячески, чем могла, помогала ему и молилась за него.

Бутаковскому музею быстро становились тесными рамки филиала, и Н.Зайцев раз-два и три едет в Алма-Ату, в ЦК комсомола и Министерство культуры, просит и доказывает, что надо принимать немедленные меры, чтобы сохранить то бесценное богатство, которое собрали дети. А чтобы сохранить, государство должно взять его под свою опеку – создать полноценное учреждение с достаточным штатом сотрудников. Зайцева поняли и согласились. Так на культурной карте Казахстана появился первый этнографический музей. Это была самая большая победа Николая Алексеевича Зайцева.

Первоначально он собирался развернуть государственный музей в Бутаково и выбрал уже для этого великолепное место. Но его убедили, что сделать это будет быстрее и надежнее в Усть-Каменогорске. После переезда научные сотрудники и экскурсоводы

превратились в каменщиков и плотников, в штукатуров и маляров. Привели все в порядок, развернули экспозицию. Вскоре этнографическому музею предложили здание бывшей областной библиотеки, затем бывшей больницы на улице Урицкого, а затем Зайцев добился здания бывшей вечерней школы по ул. Мира. Все здания коллектив музея с энтузиазмом приводил в порядок сам. А затем вкалывал и день, и ночь, чтобы развернуть новые экспозиции. Когда же началась борьба с пьянством, Зайцев убедил всех, что лучшего здания для казахской этнографии, чем бывший ресторан «Алтай», нет. Этнографическому музею передали и это здание. И кто-то бросил шутку: «Зайцеву осталось захватить телеграф и почту, и вся власть города в его руках».

К этому надо добавить, что на Левом берегу Иртыша уже строился музей народной архитектуры и быта под открытым небом. Научные сотрудники объехали почти всю область, они не только собрали уникальные предметы, быта, они описали обычаи и обряды основных национальностей, проживающих в Восточном Казахстане, они определили наиболее характерные в архитектурном исполнении здания и нашего края. Эти материалы и были положены в основу проектирования строительства музея под открытым небом. Многие, хорошо сохранившиеся здания, перевезены и восстановлены в оригинале, некоторые построены с частичной заменой деталей. Это стоило немалых трудов и средств. Но музей под открытым небом есть. И опять таки первый в Казахстане.

Благодаря сотрудникам этнографического музея, которые систематически устраивали выставки творчества современных мастеров прикладного искусства, народное творчество в Восточном Казахстане получило новое дыхание.

Изделия наших мастеров стали известны далеко за пределами Казахстана. В залах нашего музея в свое время побывали обменные экспозиции со всех республик бывшего Союза. Они дали ощутить нам всю красоту нашего многонационального общежития. За годы существования этнографического музея - за то 29 лет – через его залы прошло более двух миллионов людей. Более двух миллионов сердец обрели здесь добрые чувства и унесли с собою память о себе в далеком прошлом. Разве ваши предки - не мы? Как важно ощущать и сохранять эту духовную связь, передавать ее детям, чтобы дети несли ее внукам. Наверное, Николаю Зайцеву было дано в самом начале попредчувствовать эту духовную ценность дела, за которое он взялся.

Кроме Музея у него ничего нет. В музее вся его жизнь. Он лелеял свое дитя наперекор всем трудностям и препятствиям. Ему не раз предлагали привлекательную работу в Подмосковье и на Урале. Но разве можно рвать корни, которые питают все твоё

существо? Теперь жители Восточного Казахстана сами несут в музей свои реликвии и все то, что может служить целям и задачам музея. И то, что накопилось здесь – 2,6 тысячи экспонатов по своей ценности и уникальности ставит наш музей в ряд лучших этнографических музеев стран Содружества. Но никакими деньгами нельзя изменить научную, культурную и духовную ценность собраний Восточно-Казахстанского этнографического музея.

К сожалению, это уже не столько радует, сколько беспокоит Н.Зайцева. Сегодня он страдает от того, что средств на содержание музея отпускают все меньше и меньше. Количество людей, которое необходимо для охранения того, что есть, на пределе. Встает проблема – что делать с музеем под открытым небом. Если лишить его охраны, погибнет то, что уже никогда не будет восстановлено. Будет несправедливым не назвать тех, кто уже много лет разделяет с Зайцевым его заботы и тревоги по сохранению и развитию музея - В.Черкашину, А.Яковлева, В.Лабецкую, Л.Семенову, Ж.Жилкодарову, Т.Довыденко, С.Нечитайло, Б.Элекбаева.

Они знают Зайцева обаятельным и деспотичным, добрым и жестоким, болезненно незащищенным и высокомерным, простым, как Ванька, гневливым и приветливым. Они знают, что Зайцев – самородок и незаурядная личность. Работать с ним трудно, как с каждым человеком, жизнь которого поглощена одной целью. От всех он требует такой же самоотдачи и любви к делу. Старожилы музея знают, что Николай Алексеевич вспыльчив, но слава Богу, отходчив и незлопамятен. Работать с ним интересно. А потом... Ведь ничто в жизни не дается легко и просто.

Павел Бортник, 1997 год